

МОИ ОТКРЫТИЯ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ПИСКУНОВА

Встретившаяся у М.М. Бахтина мысль о том, что человека нельзя познать – с ним можно общаться, всякий раз всплывает в памяти, когда где-то вдруг заходит разговор об Алексее Ивановиче Пискунове. Каждый, кто говорит о нём, дополняет образ этого человека чем-то своим, что расширяет мои собственные представления об Алексее Ивановиче, открывает его по-новому.

Мне довелось познакомиться с ним в 1985 году. Я второй год работал на кафедре педагогики и психологии Мурманского государственного педагогического института, руководство которого поторапливало меня с поступлением в аспирантуру. Провинциал, робевший от одной только мысли, что придётся идти в незнакомые кабинеты казавшихся почти небожителями разных московских дядь и тёт, открывавших дорогу в науку, я с большим усилием заставил себя поехать в Москву, чтобы прикрепиться для сдачи экзаменов кандидатского минимума.

И вот позади первый, а потом и второй экзамен, зав. отделом аспирантуры Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина Н.П. Родимова спрашивает мимоходом меня, а успел ли я побывать на кафедре, куда планируется моё поступление. Совершенно обескураженный, я отвечаю, что, конечно, нет. А надо?

Строгий голос Нины Петровны заставляет меня еще больше ощутить свою никчёмность и нелепость затеи с поступлением: «Что значит «А надо»? Немедленно, сегодня как раз присутственный день, идите на кафедру и представьтесь заведующему!».

Узнав, где кафедра педагогики находится, со второго этажа я взлетел на третий. Иду по коридору, читаю надписи на табличках. Ага! Вот нужная. Заведующий кафедрой академик АПН СССР, доктор педагогических наук, профессор Алексей Иванович Пискунов. Открываю дверь. За столом, в его торце, сидит лысый представительный мужчина, сбоку – другой, чуть похожий на сатира, как мне тогда показалось. Спрашиваю робко: «Можно?» Мужчина, тот, которого я принял за главного в этом кабинете, кивнул. Этот кивок, как оказалось, был адресован Иосифу Залмановичу Гликману (это уже спустя время я узнал имя собеседника Алексея Ивановича), но тогда я принял его на свой счёт и радостно вошёл, прикрыв дверь в кабинет.

Вдруг из двери сбоку на меня вышла весьма крупная дама и стала наступать на меня, шёпотом приговаривая: «Вы что, не видите – заведующий

занят. А ну-ка выйдите!». Я стал пятиться и, отступая спиной к выходу, запнулся о порожек, руки мои непроизвольно раскинулись, был какой-то грохот. Посрамленный, я оказался выдворен. А Антонина Иосифовна (сотрудник кафедры, имя которой я узнал также со временем) строгим голосом меня корит: «Вы видите, сколько людей по записи к Алексею Ивановичу? А тут Вы... Нехорошо, молодой человек!». Можно представить упадок моего настроения... Хотелось убежать. Навсегда. И никогда больше здесь не появляться. Но тут открылась дверь, и вышел Алексей Иванович: «Кто же это тут шум учинил? А, это Вы, молодой человек. Откуда Вы такой... горячий?». Лепечу: «Из Мурманска». «Надо же! А мне казалось, народ там замороженный немного. А Вы вон какой, оказывается... Придётся Вас принять, а то всё тут порушите. Как думаете, коллеги? Тем более что из такого далека приехал человек», - обратился он к ожидавшим встречи с руководителем кафедры. Кто-то заулыбался, кто-то с недоумением рассматривал меня, желавшего в те минуты провалиться сквозь землю.

Алексей Иванович, обратившись к ожидавшим, извинился, что из-за заседания совета не успеет всех принять. Попросил тех, кому нужна его виза на заявлении, передать их через Антонину Иосифовну, он обязательно подпишет, и добавил: «А Вы, молодой человек, заходите после того, как я поговорю с корреспондентом из «Комсомолки»».

И вот я сижу в кабинете, прижимая к себе под столом свою сумку с авоськой – с самолёта ведь сразу, ещё и к родственникам не успел захватить, чтобы оставить вещи.

Алексей Иванович просит рассказать немного о себе. Рассказываю о работе в школе, в комсомоле... Услышав слова «секретарь комитета комсомола», «обком комсомола», он как-то грозно меня прервал: «Что Вы тут мне Ваши комсомольские похождения рассказываете? Знаю я вас, комсомольских работников!». И тут настала очередь вскипеть мне: «А что Вы всех комсомольских работников одним чохом кроете? Все люди разные!». Никогда мне не забыть глаза Алексея Ивановича в ту минуту моей отповеди. Они были удивленно-пытливо-изучающими меня, посмеявшегося возразить. Я же тогда не мыслил в русле Грибоедовского «а что подумает и скажет «княгиня Марья Алексевна», - у меня была естественная реакция. Может, именно этого и хотел Алексей Иванович, и именно она пришлась по душе? Не знаю. Но я уж точно не собирался угодить. И впоследствии, имея возможность в разных ситуациях близко наблюдать Алексея Ивановича, я убедился, сколь болезненно

он реагировал на попытки угодить ему и как неприязненно воспринимал фальшь.

Но в тот момент нашей первой встречи он переключил разговор на другое и заинтересовался темой моего исследования. Я ответил, признаюсь честно, как наставляли меня перед отправкой из Мурманска: «А мне сказали, что тему даст научный руководитель». «Странно, - произнёс Алексей Иванович. – Тема, молодой человек, должна идти отсюда (и он коснулся рукой области сердца). А иначе это будет не Ваша тема... Ну, а интересуется Вас что-то в педагогике?».

И опять я приободрился: «Да, конечно. Например, свободное воспитание или соотношение свободы и регламентации в воспитании, или вот еще...». Я нёс какую-то околесицу, а Алексей Иванович смотрел на меня и качал головой: «Да Вам не то, что поступать, Вам об аспирантуре думать рано при такой неопределённости интересов... Но вот Вам придётся писать вступительный реферат. Чему Вы его посвятите?». И вновь я чувствую себя на коне и бойко так говорю, что реферат мне писать не придётся, поскольку у меня статьи в самых что ни на есть ведущих журналах страны. Аж в самой «Советской педагогике». Вот! И закончил я свой рапорт вопросом: «Хотите почитать? У меня ведь есть копии всех статей».

Всего-то и сказал Алексей Иванович: «Ну, к чему же делать преждевременно эту работу. Вот когда Вы опубликуете полное собрание Ваших педагогических сочинений, я, конечно же, вынужден буду с ними познакомиться».

Затем Алексей Иванович неожиданно спросил меня: «Так Вы говорите, что из Мурманска? А как у Вас там, в рыбной столице, с рыбой?». И тут меня будто обожгло. Бессмысленно скрывать, что, когда меня в Мурманске собирали в Москву, некоторые «знающие» коллеги говорили: «Валера, ты должен понимать, что в столице как? – Не подмажешь, не поедешь. Поэтому научись делать подношения: кому рыбки хвост, кому баночку печени. Глядишь, дело и заладится». Можно представить в этой связи, какие мысли забегали у меня в мозгу после вопроса А.И. Пискунова о том, есть ли рыба в Мурманске!

«Намекает! – пронеслось у меня... - Надо дать». Сижу, думаю, как бы вручить этому вершителю судеб тот кусок палтуса, который был у меня с собой в авоське, что тёрлась под столом о мою ногу. И не могу. Ну, вот, не умею. По сию пору. А пауза, видать, затянулась. И Алексей Иванович меня опять спрашивает: «Так всё-таки, как у вас в Мурманске с рыбой-то?». Де-

лать нечего. Надо действовать, думаю я и выдавливаю, судорожно сглатывая в пересохшем рту: «А... Э... Мэ... Э... Гм... Так Вы... это... может... посо- лониться хотите? Э... Мэ... Так у меня... это... рыба-то есть с собой».

И тут мне никогда не забыть реакции Алексея Ивановича. Выражение его лица приняло такой вид, будто он проглотил тридцать три лимона. На нём одновременно появилось недоумение, страдание, гнев и чувство нелов- кости. Он, будто собака, которая, выходя из воды, стряхивает с себя капли, так же энергично замотал головой и грозно, сощутив глаза за толстыми стёк- лами очков, спросил меня: «Вы что себе позволяете? Вы кому эту рыбу вез- ли?». Я, будто на духу, отвечаю: «Тётке в Клин». «Ну, вот и везите её к тёт- ке... в Клин!».

Свидетелем этого моего позора попытки «дать Пискунову взятку» была тогдашний сотрудник кафедры педагогики Татьяна Сергеевна Гаврикова, ко- торая спустя время вспоминала, что более нелепой ситуации она себе просто не представляла. А уж как был смущён и посрамлён я сам, это трудно вооб- разить. По всей вероятности, чувствуя это, Алексей Иванович вернул разго- вор на деловую стезю. Он рекомендовал мне попытаться прикрепиться к ка- федре для прохождения стажировки до поступления в аспирантуру и пред- ложил ещё раз встретиться в конце недели, в пятницу, когда он также будет на кафедре.

Конечно, после пережитого стресса, в пятницу на кафедру я не пошёл. Более того, полагал, что вход туда мне впредь вообще закрыт. Как же я оши- бался!

Спустя некоторое время меня отправили в институт повышения квали- фикации (ИПК) тогдашней Академии педагогических наук СССР на Боль- шой Полянке. Людей здесь можно было встретить разных и отовсюду. Были и опытные заведующие кафедрами, и такие вот юнцы, как я. У меня до сих хранятся записи лекций, которые нам читали приглашаемые преподаватели, а также адреса тех, с кем познакомился тогда. Мы и по сию пору сохраняем профессиональные и человеческие отношения. Но особенно я благодарен ИПК за возможность второй встречи с академиком Пискуновым. Всегда с чувством особой симпатии и благодарности вспоминаю тогдашнего методи- ста ИПК Нину Васильевну... фамилия этой седовласой приветливой и вни- мательной женщины, увы, стёрлась из памяти... Именно она поинтересова- лась, планирую ли я поступать в аспирантуру, по какому направлению и ку- да. Узнав, что в моих планах МГПИ имени В.И. Ленина и история педагоги-

ки, она без колебания сказала, что надо идти к Алексею Ивановичу Пискунову. А поскольку все обучавшиеся на курсах в ИПК должны были делать выпускную работу, она предложила мне в качестве научного руководителя выпускной работы именно А.И. Пискунова. У меня сердце почти остановилось. Тем временем Нина Васильевна уже набирает телефон и спрашивает, не согласится ли Алексей Иванович взять в нагрузку одного слушателя ИПК. Назвала мою фамилию. Ну, думаю, либо пан, либо пропал: может, не помнит Алексей Иванович мою фамилию, а может с негодованием откажет, вспомнив уже описанный мой казус первой встречи с ним. Положив трубку по окончании разговора, Нина Васильевна сказала, что всё – академик Пискунов мой научный руководитель по выпускной работе, и мне нужно с ним встретиться.

Придя на кафедру, я попал на её заседание, где обсуждалась работа, кажется, со студентами химического и биологического факультетов. Шел интересный профессиональный разговор. Дергаю за рукав сидящего рядом аспиранта: «Это кто? А это?». Оксана Алексеевна Абдуллина, Александр Егорович Дмитриев, Владимир Михайлович Кларин, Людмила Ивановна Маленкова, Валентина Васильевна Мерцалова, Мира Сергеевна Тесемницына... Дух захватило! И как интересно! А.И. Пискунов, внимательно выслушивает всех, задает вопросы. При этом не сидит за председательским столом, а стоит или тихо так ходит около окна. В какой-то момент, поймав не себе его взгляд, я постарался спрятаться за чью-то спину. Потом Алексей Иванович не спеша прошёл в свой кабинет, затем вернулся в аудиторию, а ко мне подошла помощник А.И. Пискунова и спросила: «Вы ведь Черник? Алексей Иванович просил Вас дожидаться его после заседания кафедры. Он хочет с Вами переговорить».

Конечно, я был удивлён, что такой загруженный и авторитетный человек помнит какого-то ассистента из северного Мурманска. Наверное, это было написано у меня на лице, потому что учившаяся тогда на кафедре аспирантка О.А. Абдуллиной из Читы Татьяна Клименко сказала, чтобы я не удивлялся: у Пискунова феноменальная память. И поведала о случае из собственного общения с Алексеем Ивановичем.

Как известно, он уделял немало внимания всем аспирантам, независимо от того, кто был официальным научным руководителем. Так вот, в очередной беседе по тексту Татьяны Константиновны он обратил внимание на какую-то деталь, которую нужно было исправить. Забыв это сделать, аспирантка

вновь, спустя время, пришла к нему с текстом. Дойдя до этой самой «детали», Алексей Иванович с укоризной посмотрел на Татьяну и сказал: «Я же просил Вас это исправить». Удивление, чувство неловкости и восторг, как вспоминала в своём рассказе Т.К. Клименко об этом эпизоде, - всё смешалось тогда в её сознании.

И вот я вновь в кабинете А.И. Пискунова. Он попросил меня составить план-проспект будущей выпускной работы. Объяснил мне, что он вкладывает в это понятие. Речь шла о развёрнутом, подробном, или, как мы тогда называли, сложном плане, который предполагал детализировать замысел работы. Слушая Алексея Ивановича, я сперва подумал: «К чему так усложнять?». А он будто прочитал мои мысли и заметил, что само написание текста при условии предварительной кропотливой работы по его обдумыванию не займёт много времени. Уже выполняя выпускную работу, я понял, насколько прав академик даже в таких, как я тогда назвал, «мелочах». Затем это очень пригодилось в аспирантские годы.

Так – встреча за встречей – я медленно продвигался к познанию секретов школы Пискунова. И вот уже готов текст. Надо нести на проверку. Знакомой дорогой иду на кафедру. Алексей Иванович размеренной походкой идёт по третьему этажу.

- Здравствуйте! – говорю я ему.

- Здравствуйте, Валерий! Наверное, принесли работу? Давайте, я её должен буду посмотреть, а обсудим мы её с Вами в воскресенье.

Признаться, я опять был удивлён. Видимо, уловив это, Алексей Иванович сказал, как будто даже извиняясь, что рушит мои воскресные планы:

- Вы же понимаете, что здесь трудно спокойно проговорить все вопросы. Меня как заведующего по разным вопросам часто отрывают, куда-то приглашают. Поэтому со всеми аспирантами и докторантами я предпочитаю работать дома. Так что жду Вас к 12 часам к себе. Вы ведь поедете с Керченской (там находилось общежитие АПН СССР, где жили мы, слушатели института повышения квалификации)?

И он дал мне свою визитную карточку с телефоном и адресом, подробно объяснив, как мне будет удобнее всего добраться до его дома на Ленинском.

Ровно в 12 нажимаю кнопку звонка. Дверь открывает сам Алексей Иванович. Здравуемся.

- Легко нашли? – спрашивает хозяин дома, приглашая меня пройти. Одет он по-домашнему просто. Предложил тапки, попутно рассказав, как

была оборудована гардеробная комната. Конечно, звучит громко, но любой, кто бывал у А.И. Пискунова, наверняка согласится, что эта совсем крохотная гардеробная могла принять в себя немалое число людей, которые приходили в их с Лидией Ефремовной дом.

Моё самое первое ощущение от того воскресного дня – уют и чувство дома. На кухне варился бульон, и его вкусный запах доносился до меня. Но не вызывая чувства голода, а пробуждая память о родительском доме. И в каком-то смысле это чувство, зародившееся в тот воскресный полдень, сохранилось со мной навсегда. Только оно крепло, дополнялось новыми деталями.

Вот позади вступительные экзамены в аспирантуру (О! Это особый рассказ). И я становлюсь аспирантом академика Пискунова. Семья аспирантов Алексея Ивановича – конечно же, не ложа, но тоже имеет свои традиции. С первой я знакомлюсь почти в самом начале первого аспирантского года обучения. Оказывается, принято всем вместе встречать День учителя в доме своего наставника. Здесь находится место каждому – будь ты замминистра, ректор, седовласый профессор или начинающий аспирант. И разговор, вроде, о серьёзном, но это дополняется хорошей шуткой или какой-то историей, каких у самого Алексея Ивановича, казалось, было великое множество.

Он был потрясающий рассказчик! И очень тонкий мастер «алаверды», когда переключал внимание с себя на других людей, умея найти слова, которые подчёркивали неповторимую индивидуальность человека.

Крутится калейдоскоп пережитых ситуаций и встреч с Алексеем Ивановичем. Вот очередной визит к научному руководителю. Излюбленное и неизменное 12 часов дня, воскресенье. Хозяин в добром расположении: «Проходите, Валерий. У меня появился великолепный коньяк, которым мне хочется угостить Вас». Мой ответ, что я не люблю коньяк и не пью его, несколько обескуражил Алексея Ивановича: «Неужели такое бывает? Но мы по чуть-чуть, по-европейски». Что значило сие «по-европейски», я не ведал, и, может, именно это послужило поводом отказаться от своего первоначального заявления. И вот в красивые специальные коньячные бокалы Алексей Иванович наливает совсем немного благоухающего напитка – так, чтобы жидкость не пролилась, когда бокал не на ножке, а лежит на боку. И я получаю своеобразный урок вкушения божественного напитка. Но это не цель. А всего лишь повод поговорить о чём-то важном.

И Алексей Иванович старается очень аккуратно начать разговор:

- Знаете, Валерий, давно наблюдаю за Вами, общаемся с коллегами по кафедре о Вас. И мне весьма странно, что оценки всё время положительные, но какие-то неопределённые. Вы и староста аспирантского объединения, и член партбюро, и в добровольной народной дружине дежурите, и в Ушинке библиотекари Вас уже запомнили... И при этом всё равно какая-то туманность. Не может человек всем и всегда быть хорошим. Или Вы как-то умело приспособливаетесь. Я не могу понять...

- Странно, - теперь удивляюсь я. – А Вам никто не говорил, например, о моём конфликте с зав. отделом аспирантуры? Не жаловалась она на мою бузу из-за читаемого для аспирантов курса и в связи с ситуацией в аспирантском общежитии?

- Не-ээт, - тянет изумлённый Алексей Иванович. – Расскажите, пожалуйста, что стряслось?

Выслушав суть дела, Алексей Иванович также медленно и задумчиво произносит:

- Н-да... характерец у Вас ещё тот, видать...

Я в запальчивости парирую:

- Можно подумать, Ваш – сахар! Я вообще поражаюсь, как с таким характером Вы академиком стали!

Алексей Иванович внимательно на меня посмотрел и спокойно произнёс:

- Хочу заметить, Валерий, что академиками вообще-то избирают не за характер. Но давайте мы лучше пригубим этого чудного напитка...

Как, наверное, многих общавшихся с Алексеем Ивановичем, в нём самом меня восхищала страстность. Касалось ли это прочитанной газетной статьи или книги, музыкальных ли увлечений или взгляда в сторону балкона, с которого Лидия Ефремовна провожала его на работу.

Не забуду, как однажды, проходя мимо афиши с изображением Аллы Баяновой, о которой я на тот момент знал только сочетание букв её имени, Алексей Иванович произнёс: «Хороша старушка!». Меня это удивило, и я спросил: «Она Вам нравится?». «У меня собрана коллекция почти всех её пластинок, вышедших в Румынии», - последовал ответ. «А кто ещё из исполнителей Вам нравится?» – не унимался я.

«Я обожаю джаз. Классический. А из наших исполнителей моим кумиром был Александр Вертинский. Нравится Лещенко», - произнёс Алексей Иванович.

«Лев?!» - с удивлением воскликнул я.

«Нет, Лёва, конечно, хороший человек и мой сосед всё же, но я о другом, о Петре Лещенко сейчас».

Так в мою жизнь вошёл ещё один Лещенко. Более того, через пару дней Алексей Иванович вручил мне маленький подарок – сделанную им собственноручно подборку песен Петра Лещенко и Аллы Баяновой, вызвав у меня самую настоящую болезнь, которую я назвал «баяновщиной». Дело в том, что в те, 80-е годы прошлого века, Алла Николаевна вернулась в СССР из Румынии и очень активно давала концерты. И я старался не пропускать их, став в каком-то смысле поклонником этой замечательной певицы.

Узнав об этом, Алексей Иванович слегка подтрунивал надо мной, но считал правильным не ограничиваться только читальным залом Ушинки или архивов, в которых, разумеется, проходила значительная часть времени. Он полагал, что приобщение к театральной и концертной жизни Москвы, её музеев должно быть непременным условием аспирантской жизни и становления преподавателя высшей школы. «Если Вы сейчас этого не вкусите, - не узнаете никогда. Вернётесь в Мурманск и круговерть обыденности Вас захлестнёт. Поэтому обязательно старайтесь бывать везде», - напутствовал он меня.

Одним из излюбленных вопросов Алексея Ивановича был про книжные магазины: «Что там нового?». В то время из-за резко ухудшившегося зрения и операций на глазах он не мог бывать в магазинах, но охотно слушал и узнавал о новинках литературы. Сам при этом подавал пример. Вспоминаю, как однажды по дороге на кафедру он спросил, успел ли я прочитать «Кролики и удавы» Ф. Искандера. «Мы вчера получили «Юность» и испытали с Лидией Ефремовной истинное удовольствие, буквально проглотив эту сказку-памфлет. Завтра принесу Вам журнал».

В какой-то день на вопрос «Что интересное встретилось в букинистах?» я рассказал Алексею Ивановичу, что в Пушкинской лавке в проезде Художественного театра (Камергерском) натолкнулся на собрание сочинений К.Д. Ушинского. Он с радостной надеждой спросил меня: «Вы, конечно, купили?». Мой ответ «Конечно, нет!» он встретил каким-то обеспокоенно-расстроенным взглядом, и я пояснил: «Алексей Иванович, но всё-таки целых 25 рублей...». «Хм... Наверное, Вы правы... Хотя, Валерий, поверьте, как потом будет жаль пропущенной книги! Я это пережил, хотя, как видите, моя библиотека не самая маленькая».

Разговор продолжился по существу моей работы в архивах и библиотеке. И, уже исходя из услышанного от меня, Алексей Иванович предлагал обратиться к плану-проспекту диссертации для уточнения некоторых позиций. Он внимательно выслушивал меня. Говорил одобрителное «Вы, скорее всего, правы» и добавлял: «А не пробовали Вы на этот факт посмотреть ещё под таким углом зрения?». И это побуждало к новому осмыслению, чтению новой литературы или поиску новых документов в архивах, чтобы утвердиться в своём предположении, либо его всё-таки отвергнуть. Закончив в тот день обсуждение плана-проспекта, Алексей Иванович предложил мне чаю, а сам на пару минут меня покинул. Вернулся он с портмоне и, вынув «четвертной», протянул его мне с пожеланием, чтобы я всё же купил собрание сочинений Ушинского и не жалел, спустя время, что под рукой в нужный момент нет необходимой книги классика педагогики. «А деньги? – уловив вопрос в моих глазах, - это дело наживное. Будут – отдадите когда-нибудь». Сейчас, когда пишу эти строки, сквозь пелену непрошенных слёз, я вижу эти тома в коричневом переплёте. Это тоже и память, и один из уроков Учителя.

С собой, с выносом из дома, Алексей Иванович книги не давал, позволяя, однако, при необходимости работать с ними прямо у него дома. Зато он охотно дарил книги. Как-то он меня огорошил вопросом: «Валерий, у Вас есть скворода?». Именно так я услышал его слова, полагая, что научный руководитель решил озаботиться общежитским бытом своего аспиранта. «Ну, своей у меня нет, но есть у соседа, Коли Котряхова, у сокурсниц по аспирантуре и рядом живущих Нины Беляевой и Оли Гордеевой». По радостному блеску глаз Алексея Ивановича понимаю, что всё-таки тут какой-то подвох. И точно: он достаёт с книжной полки сочинения Г.С. Сквороды и дарит мне. Признаться, Сквороды ни у меня, ни у кого-то из знакомых действительно не было до того дня.

Книг, подаренных Алексеем Ивановичем, у меня наберётся, пожалуй, целая полка. Но подписывал он только те, где был автором или редактором. Что такое Пискунов-редактор – особый рассказ. Неважно при этом, идёт ли речь о редактировании текста аспирантской статьи, диссертации, коллективной монографии или учебника, где он заявлен «всего лишь» редактором. Мне довелось видеть тексты до и после правки Алексея Ивановича. Порой про такое говорят, что отличается, как день от ночи. Он же только произносил: «Пришлось немного посидеть...». Хуже, правда, как говорят, было в ситуации, когда править было нечего: это означало, что всё нужно сделать иначе.

Или вот такая деталь. Принёс Алексею Ивановичу текст первой главы и, передавая ему её, произношу: «Вот, это первый вариант первой главы». Тогда Алексей Иванович возвращает мне рукопись назад со словами: «Вы сколько вариантов планируете? Три? Семь? Пятнадцать? Я прошу Вас знакомить меня только с окончательным вариантом Вашей работы». И вроде тихим голосом сказано, очень тактично. Но воспринимается словно громовой раскат.

При всей своей требовательности Алексей Иванович обладал тем редким даром, который психологи называли бы эмпатией.

- Читая текст любого автора, я пытаюсь поставить себя на его место. Уловить и прочувствовать логику и характер его повествования и аргументации. Ведь это не моя работа, - делился как-то в разговоре со мной Алексей Иванович. И для меня в одно целое срастались кусочки мозаики. Вот мой казус с выбором темы в день нашего знакомства, когда казалось, что она будет исходить от научного руководителя, и начинающий исследователь станет обслуживать научный интерес своего руководителя. Вот мой текст по теме моего исследования, с моими оценками и моими выводами.

- Вы должны понимать, что это всё – ВАШЕ. Другой человек сказал бы и написал бы об этом совсем по-другому. Каждый, кто будет знакомиться с Вашей работой, будет читать её по-своему: рецензенты перед обсуждением на заседании секции, а потом на кафедре, оппоненты. Своё особое мнение о Вашей работе может быть у каждого члена диссертационного совета. И у Вас уже после защиты возникнет понимание того, что всё можно было сделать совершенно по-другому.

Но Вам следует уяснить и то, что именно ВЫ занимаетесь данной темой несколько лет. Именно ВЫ прочитали и познали столько по исследуемому вопросу, сколько не сделал никто другой, кто будет судить о Вашей работе, и Вам нужно убедить всех в правоте и обоснованности Ваших выводов, значимости той работы, которую Вы сделали и представили на суд научного сообщества.

Так Алексей Иванович готовил меня к предстоящей защите.

Вот с работой познакомились рецензенты. Тамара Семёновна Комарова и Наталья Борисовна Сергеева, Владимир Михайлович Кларин и Александр Наумович Джуринский высказали свои суждения. Алексей Иванович выслушивал всё не менее внимательно, чем я сам. Уже после заседания секции истории педагогики мы с ним обсудили всё, что прозвучало на ней.

«Валерий, - обратился Алексей Иванович ко мне, - ещё раз вернитесь к замечаниям. Внимательно прочитайте их в отзывах рецензентов и в протоколе заседания секции. Обдумайте всё, как следует – с чем Вы готовы согласиться, учтите; что Вам кажется сомнительным или вовсе неуместным, обдумайте не менее глубоко, поскольку нужно будет отстаивать свою точку зрения».

Когда сейчас я об этом пишу, вспоминается известный в аспирантских кругах анекдот о силе научного руководителя – льва, который может порвать любого из членов совета, не разделяющего его мнения по поводу «выпущенной» на защиту работы его аспиранта. Сила научного руководителя А.И. Пискунова была не только в формальном его положении заведующего кафедрой педагогики ведущего педагогического вуза Советского Союза, председателя диссертационного совета, который по сию пору принято считать № 1 в нашей стране. Главное состояло в его кропотливой работе с диссертантами, в многочасовых беседах с нами, вытянувшимися в струнку или расслабленно прижавшимися к спинке известного «аспирантского» кресла. Он помогал нам расправить свои исследовательские плечи, сформировать исследовательскую и человеческую позицию. Его сила заключалась, образно говоря, не в том, чтобы помочь своим научным «детям» стать обладателями рыбы – искомой степени, но научить нас самих способу изготовления удочки – уметь работать в исследовательской сфере. Не робеть перед авторитетами, не страшиться возражений и замечаний, при этом не быть косными и не терять способности слышать собеседника, аргументы оппонента, но ещё больше – само время, в котором нам выпало жить.

Сам Алексей Иванович в чём-то сумел опередить его. И нам предстоит ещё многое понять в нём и открыть.